

Сказка Туве Янссон

" Волшебная зима "

Глава пятая - Одинокие гости

С каждым днем солнце все выше поднималось на небе. В конце концов оно поднялось так высоко, что несколько неярких лучей упало в долину. В этот знаменательный день после обеда в долине появился чужой – маленький тощий песик в рваной шерстяной шапчонке, надвинутой на глаза.

Он утверждал, что зовут его Юнк и что в дальних долинах кончилась еда. А с тех пор, как там побывала Ледяная дева, стало еще труднее раздобыть какую-нибудь снедь. Говорят, что некий хемуль в отчаянии слопал свою собственную коллекцию жуков, но, вероятно, это были только слухи. Скорее всего он слопал коллекцию своего товарища. Во всяком случае, в Муми-доле появилось много пришлых... Кто-то пустил слух, что там есть рябина и целый погреб с вареньем. Хотя насчет варенья это, верно, тоже были только слухи...

Юнк уселся в снег на свой тощий хвост, и вся его печальная морда сморщилась.

– Мы едим уху, – сказала Туу-тикки. – И ни о каком погребе с вареньем я не слыхивала.

Муми-тролль бросил быстрый взгляд на круглый снежный сугроб за дровяным сараем.

– А погреб там! – вмешалась малышка Мю. – И там столько варенья, что можно объесться, и на всех банках указан год, когда оно сварено, а крышка обвязана красным шнурком!

– Я, между прочим, стерегу имущество мамы и папы, пока они спят, – сказал, покраснев, Мумитролль.

– Само собой! – льстиво пробормотал Юнк.

Муми-тролль посмотрел на веранду, а потом на морщинистую морду Юнка.

– Ты любишь варенье? – сердито спросил он.

– Не знаю, – ответил Юнк.

Муми-тролль вздохнул и сказал:

– Ну ладно. Только помни: берите сначала самые старые банки.

Несколько часов спустя на мосту появилась целая толпа малюток, а в саду металась растерянная Филифьонка и жаловалась, что ее комнатные растения померзли, а кто-то съел все ее припасы. А по дороге в долину она встретила бессовестную Гафсу, которая сказала, что зима есть зима и надо позаботиться обо всем вовремя.

К вечеру вся долина так и кишела пришельцами, которые успели протоптать тропинки к погребу с вареньем. Те, кто крепче держался на ногах, отправились вниз, к морю, и поселились в купальне.

Только в пещеру никого не пустили. Малышка Мю заявила, что нельзя мешать Мюмле.

Перед домом муми-троллей сидели и канючили самые обездоленные.

Муми-тролль с керосиновой лампой в лапе вылез через слуховое окошко и осветил толпу.

– Можете войти в дом и переночевать, – пригласил он. – Ведь никогда не знаешь, как поведут себя все эти морры и прочие, что слоняются вокруг.

– Мне не влезть по веревочной лестнице, – пожаловался какой-то старый хомса.

Тогда Муми-тролль стал разгребать снег перед входной дверью. Он трудился с большим усердием. И когда длинный узкий туннель в снегу, вырытый им, уперся в стену дома, никакой двери там не оказалось, а было только замерзшее окно.

"Выходит, я рыл неправильно, – сказал Мумитролль про себя. – И если я начну рыть новый туннель, могу опять промахнуться".

Что же делать? Он осторожно разбил оконное стекло, и гости влезли в дом.

– Не разбудите мою семью, – предупредил Мумитролль. – Здесь спит мама, там – папа, а там, чуть подальше, – фрекен Снорк. Мой предок спит в печке. Вы можете завернуться в коврики и скатерти, потому что все одеяла мы одолжили знакомым.

Гости поклонились спящим, а потом быстро завернулись в коврики и скатерти. А самые маленькие заснули в шапках, домашних туфлях, словом – где придется.

Многие, простудившись, чихали, а кое-кто уже заскучал и просился домой.

"Вот ужас-то, – думал Муми-тролль. – Скоро погреб с вареньем опустеет. А что я скажу весной, когда мама с папой проснутся и увидят, что картины висят вверх ногами, а в доме полно народу?"

Он вылез обратно через туннель, чтобы посмотреть, не забыли ли они кого-нибудь во дворе.

Там светила луна, да в снегу сидел один-одинешенек Юнк и выл. Вытянув морду вверх, к луне, он выводил длинную печальную песню.

– Почему ты не хочешь войти в дом и лечь спать? – спросил Муми-тролль.

Юнк посмотрел на него позеленевшими от лунного света глазами. Одно ухо у него стояло торчком, другое повисло. Казалось, он к чему-то прислушивался, и вся его морда застыла в ожидании.

И тут они оба услышали, как где-то далеко воют волки. Юнк мрачно кивнул и снова натянул на себя шапчонку.

– Это мои большие сильные братья! – прошептал он. – Если бы ты знал, как я по ним тоскую!

– А ты их не боишься? – спросил Муми-тролль.

– Боюсь, – ответил Юнк. – Это-то и есть самое печальное.

И Юнк свернул на протоптанную тропинку к купальне.

Муми-тролль снова влез в окно гостиной.

Какая-то малютка испугалась зеркала и всхлипывала, сидя в трамвайчике из пенки.

А так все было тихо.

"Как трудно им приходится, – подумал Мумитролль. – Может, и не так уж страшно, что съели столько варенья. А банки, приготовленные на воскресенье, можно всегда припрятать... Ну те, что с клубничным вареньем... на время припрятать".

Однажды на рассвете долина пробудилась от чистых пронзительных звуков рога. Сидевшая на полу пещеры Мю стала притопывать в такт ногами. Туу-тикки наострила уши, а пес Юнк, поджав хвост, уполз под скамейку.

Предок Муми-тролля сердито загрохотал печной вьюшкой, и большинство гостей проснулись.

Муми-тролль ринулся к окну, вылез в него и стал пробираться через снежный туннель.

При свете лучей бледного зимнего солнца с горного склона съезжал огромный хемуль. Он трубил в сверкающий медный рог, и казалось, чувствовал себя превосходно.

"Этот съест целую прорву варенья, – подумал Муми-тролль. – Интересно, что у него на ногах?"

Хемуль положил рог на крышу дровяного сарая и снял лыжи.

– Хорошие у вас тут холмы, – сказал он. – А слалом у вас есть?

– Сейчас узнаю, – ответил Муми-тролль.

Он снова влез в гостиную и спросил:

– Есть тут кто-нибудь по имени Слалом?

– Меня зовут Саломея, – прошептала малютка, испугавшаяся зеркала.

Муми-тролль подошел к Хемулю и сказал:

– По имени Слалом почти никого нет. Есть только одна по имени Саломея.

Но Хемуль, не слушая его, обнюхал папину табачную делянку.

– Хорошее место для жилья, – похвалил он. – Здесь мы построим снежный дом.

– Вы можете поселиться у меня, – чуть помедлив, сказал Муми-тролль.

– Нет, спасибо, – ответил Хемуль. – В доме спертый воздух, это вредно для здоровья. Мне нужен свежий воздух, много свежего воздуха.

Мы сейчас же примемся за работу, чтобы не терять зря времени.

Между тем гости Муми-тролля мало-помалу выбрались из дому и молча наблюдали за Хемулем.

– А вы не можете еще поиграть? – спросила крошка Саломея.

– Всею свое время, – бодро ответил Хемуль. – Сейчас мы поработаем.

Немного погодя все гости уже строили снежный дом на табачной делянке Муми-папы, а Хемуль в это самое время плескался в реке, и несколько замерзших малюток в ужасе смотрели на него.

Муми-тролль со всех ног помчался к купальне.

– Туу-тикки! – закричал он. – Сюда приехал какой-то Хемуль! Он думает поселиться в снежном доме, как раз сейчас он купается в

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

реке.

– Ах вот что! Вот он какой, этот Хемуль, – серьезно заметила Туу-тикки. – Значит, конец мирной жизни в долине.

Она отложила в сторону удочку и пошла с Мумитроллем к дому.

По дороге они встретили малышку Мю, сияющую в предвкушении новых событий.

– Видели, что у него на ногах? – воскликнула она. – Это называется лыжи! Я думаю сию же минуту раздобыть себе такие!

Дом Хемуля медленно вырастал. Гости работали не покладая лап, бросая тоскливые взгляды на погреб с вареньем. Хемуль же после водных процедур занимался на берегу гимнастикой.

– Ну, не удивительная ли это штука – холод! – бодро восклицал он. – Я никогда не бываю в такой отличной форме, как зимой. Не хотите ли тоже окунуться перед завтраком?

Муми-тролль смотрел на черную куртку Хемуля с лимонно-желтыми узорами и огорченно удивлялся, почему Хемуль не кажется ему симпатичным. Ведь он так тосковал, так тосковал по такому, как Хемуль, радостному и открытому, а совсем не таинственному и скрытному.

А теперь он чувствовал, что Хемуль ему куда более чужой, нежели тот злой и непонятный зверек под кухонным столиком.

Он беспомощно взглянул на Туу-тикки. Она, сдвинув брови и выпятив нижнюю губу, рассматривала свою варежку. И Муми-тролль понял, что Туу-тикки тоже не нравится Хемуль. Тогда, повернувшись к Хемулю, он с наигранным дружелюбием сказал:

– Хорошо, наверное, быть любителем холодного купания?

– Холодная вода лучше всего на свете! – сияя, ответил ему Хемуль. – Она гонит прочь все досужие мысли и фантазии. Верь мне: самое опасное – запереться в четырех стенах.

– Правда?! – воскликнул Муми-тролль.

– От этого в голову лезут разные мысли, – сказал Хемуль. – Кстати, когда здесь обедают?

– Когда я наловлю рыбы, – угрюмо буркнула Туу-тикки.

– Я не ем рыбы, – сообщил Хемуль. – Только овощи, зелень и ягоды.

– А клюквенное варенье? – с надеждой спросил Муми-тролль. Большой кувшин разварившегося клюквенного варенья – единственный – еще оставался в погребе.

Но Хемуль ответил:

– Нет, лучше клубничное.

После еды Хемуль надел лыжи и влез на самый высокий склон холма, тот, что спускался в долину над самой пещерой. У подножия холма стояли все гости Муми-тролля и смотрели на Хемуля, не зная, что и думать.

Они топтались на снегу, время от времени утирая мокрые носы, – день выдался на редкость холодный.

Но вот Хемуль помчался вниз. Все затаили дыхание от ужаса. Посредине холма он сделал резкий поворот в сторону, подняв целую тучу сверкающих снежинок. Потом, заорав во все горло, так же резко повернул в другую сторону. На огромной скорости он делал повороты то в одну, то в другую сторону, и от его черножелтой куртки рябило в глазах.

Крепко зажмурив глаза, Муми-тролль подумал: "До чего же все, кто пришел сюда, разные".

Малышка Мю стояла на вершине холма и кричала от радости и восхищения. Она разломала деревянную бочку и крепко привязала к башмакам две доски.

– А теперь – я! – вопила она и, ни минуты не колеблясь, припустила вниз с холма по прямой. Мумитролль взглянул одним глазом вверх на нее и понял, что Мю справится. Ее маленькое недоброе личико выражало радость и уверенность, а ножки, словно палочки, твердо стояли на снегу.

Муми-тролль почувствовал прилив гордости. Малышка Мю катила так бесшабашно вперед, она неслась отчаянно, сломя голову и чуть не врезалась в сосну, пошатнулась, но удержалась на ногах. И вот она уже внизу и, хохоча во все горло, плюхнулась в снег.

– Она из моих самых старых друзей, – объяснил Муми-тролль Филифьонке.

– Так я и думала, – кисло сказала Филифьонка. – Когда в этом доме подают кофе?

К ним крупными шагами подошел Хемуль. Он снял лыжи. Морда его лоснилась.

– А теперь мы научим Муми-тролля кататься на лыжах, – доброжелательно сказал он.

– Нет, спасибо, лучше не надо, – пробормотал Муми-тролль, отступив назад. Он быстро взглянул туда, где только что была Туу-тикки.

Но она ушла, наверное, наловить рыбы на свежую уху.

– Главное, не надо бояться, – ободряюще сказал Хемуль, крепко привязывая лыжи к лапам Муми-тролля.

– Но я не хочу... – начал было несчастный Мумитролль.

Малышка Мю посмотрела на него, высоко подняв брови.

– Ну ладно, – мрачно согласился Муми-тролль. – Но только не с очень высокого холма...

– Да нет, съедешь со склона, что ведет к мосту, – сказал Хемуль. – Согни колени! Наклонись вперед! Следи только, чтобы лыжи не разъезжались! Верхнюю часть туловища – прямо! Лапы прижми к телу! Ну, все запомнил?

– Нет, – ответил Муми-тролль.

Его кто-то подтолкнул в спину, он закрыл глаза и поехал. Сначала лыжи его широко разъезжались в стороны. Потом они скрестились, перепутались с лыжными палками, и на все это неуклюже упал Мумитролль.

Среди зрителей началось оживление.

– Запасись терпением, – советовал Хемуль. – Вставай, дружок, попробуй еще раз.

– Ноги дрожат, – пробормотал Муми-тролль.

Да уж! Это было, пожалуй, не лучше одиночества. Даже солнце, о котором он так ужасно тосковал, светило прямо в долину и было свидетелем его унижения.

На этот раз мост у подножия холма стремительно ринулся к Муми-троллю, и он сильно задрал одну ногу вверх, чтобы удержать равновесие. Другая же его нога продолжала скользить сама по себе. Гости кричали "ура!", полагая, что жизнь снова становится веселее.

Муми-тролль уже не понимал, куда едет, – вверх или вниз. Вокруг были лишь снег да несчастья. Под конец он повис на ивовом кусте, что рос на самом берегу реки, а хвост его полоскался в холодной воде. Весь мир был сплошной мешаниной из лыж, лыжных палок и всевозможных неприятностей.

– Не падай духом! – ласково сказал Хемуль. – Давай еще раз!

Но этого "еще раз" больше не случилось, потому что Муми-тролль утратил мужество. Да, он в самом деле утратил мужество и еще долго потом часто мечтал о том, как все было бы, если бы он в третий раз торжественно съехал с холма. Он бы описал на мосту красивую дугу и с улыбкой повернулся бы к гостям. А они бы кричали от восторга. Но так не вышло.

Вместо этого Муми-тролль сказал:

– Катайтесь, если хотите, а я пошел домой.

И, ни на кого не глядя, он вполз через снежный туннель в свою теплую гостиную, в свое гнездо под креслом-качалкой.

Он слышал, как Хемуль орет во все горло на холме. Сунув голову в печку, Муми-тролль прошептал:

– Мне он все равно не нравится.

В ответ предок вышвырнул из печки немного сажу, может, он хотел выказать свое расположение к потомку. Муми-тролль же начал спокойно рисовать кусочком угля на спинке дивана. Он нарисовал Хемуля, стоявшего вверх ногами в снежном сугробе. А в печке стояла припрятанная большая банка с клубничным вареньем.

На следующей неделе Туу-тикки упрямо сидела подо льдом и удила рыбу. Рядом с ней под зеленоватым ледяным сводом сидели длинной цепочкой гости и удила рыбу. То были гости, которым Хемуль пришлось не по нраву. А в доме семьи муми-троллей мало-помалу собрались все, кому не было дела до Хемуля и кто не в силах был или не смел ему это показать.

Ранним утром Хемуль просовывал голову через разбитое стекло и освещал всех факелом. Он обожал жечь факелы и сидеть у костра. Правда, кто же не любит жечь факелы и сидеть у костра, но Хемуль придавал всему этому необычайное значение.

Гости полюбили долгие беззаботные часы перед обедом, когда мало-помалу занимался день. А они тем временем болтали о том, что им снилось ночью, и прислушивались к тому, как Муми-тролль варит на кухне кофе.

Все это портил только Хемуль. Он всегда начинал говорить о том, что воздух в доме спертый, и расписывал, как приятно жить в холодном снегу.

Затем он начинал светскую болтовню о том, как можно провести новый наступивший день. Он и в самом деле делал все, чтобы обитателям долины было приятно, и всегда обижался, когда они отказывались развлекаться. Тогда он, похлопывая кого-нибудь по спине, говорил:

– Ну что же! Ничего, скоро поймете: я был прав.

А вот малышка Мю, единственная из всех, повсюду следовала за Хемулем по пятам. Он щедро учил ее всему, что знал сам, особенно – кататься на лыжах. И весь сиял от радости, что она делает такие быстрые успехи.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Маленькая фрекен, – говорил Хемуль, – вы прирожденная лыжница. Скоро вы меня переощеголяете!

– Об этом я только и мечтаю! – откровенно признавалась малышка Мю.

И стоило ей только выучиться хорошенько кататься на лыжах, как она тотчас же исчезла. Она стала кататься на своих, известных только ей, холмах и думать забыла о Хемуле.

Как бы там ни было, теперь все больше гостей забиралось под ледяной свод реки удить рыбу, и в конце концов на холме, где Хемуль обычно катался на лыжах, пестрела одна лишь его черно-желтая куртка.

Гостям долины не нравилось, когда их втягивали в какие-нибудь новые, утомительные дела.

Им больше нравилось сидеть и болтать о том, как было прежде, пока не явилась Ледяная дева и не кончилась еда. Они рассказывали друг другу о том, какой мебелью обставляли они свои дома, и с кем они были в родстве, и с кем дружили, и как ужасно было, когда явилась великая лютая стужа и все переменялось.

Они жались ближе к печке и слушали друг друга, пока не наступал наконец их черед рассказывать.

Муми-тролль видел, что Хемуль становится все более и более одинок.

"Надо сделать так, чтобы он ушел прежде, чем сам это поймет, – думал Муми-тролль. – И прежде, чем кончится варенье!"

Но не так-то просто было найти повод избавиться от Хемуля, повод, который был бы и надежным и приличным.

Иногда Хемуль съезжал вниз к морю и пытался выманить пса Юнка из купальни. Но Юнку вовсе не хотелось ходить на лыжах по холмам, не интересовали его и сани, в которые запрягают собак. Ночью он все больше времени проводил под открытым небом и выл на луну, а днем хотел спать и клевал носом.

В конце концов Хемуль, оставив лыжные палки в сторону, умоляюще сказал:

– Я ужасно люблю собак. Я всегда мечтал о собственной собаке, которая бы тоже любила меня. Почему ты не хочешь поиграть со мной?

– Да я и сам не знаю, – пробормотал, краснея, Юнк.

И как можно скорей снова шмыгнул в купальню, где так хорошо мечталось о волках.

Вот с кем бы ему хотелось поиграть! Какое великое счастье было бы охотиться вместе с волками, следовать за ними повсюду, делать все, что делают они, исполнять все их желания. И мало-помалу он бы одичал и стал таким же вольным, как они.

Каждую ночь, когда лунный свет мерцал в ледяных цветах и разводах оконных стекол, Юнк просыпался в купальне и садился, прислушиваясь. И каждую ночь, надвинув шапочку на уши, он неслышно прокрадывался из купальни на берег.

Он всегда шел одной и той же дорогой, пересекал берег, поднимался на горный склон и брел на юг в лес. Он заходил так далеко, что лес редел и он мог заглянуть в глубину Пустынных гор. Там Юнк садился в снег и ждал до тех пор, пока не раздавался волчий вой. Иногда волки были очень далеко, иногда ближе. Но выли они почти каждую ночь.

И всякий раз, услышав их, Юнк задирает морду вверх и выл им в ответ.

На утренней заре он снова тайком пробирается домой, в купальню, заползал в шкаф и спал.

Однажды Туу-тики, взглянув на него, сказала:

– Так ты никогда их не забудешь.

– А я не желаю их забывать, – ответил Юнк. – Потому-то я и хожу туда.

Довольно странно вела себя самая робкая из всех гостей долины, крошка Саломея, которая и вправду любила Хемуля. Она жила в постоянной надежде еще и еще раз услышать звуки рога. Но, к сожалению, Хемуль был такой огромный и так всегда спешил, что никогда не замечал ее.

Как она ни торопилась подбежать к нему, Хемуль всегда уезжал на лыжах раньше, и если она иной раз успевала подойти к нему, когда он начинал трубить в рог, то рог тут же смолк и Хемуль принимался за что-нибудь новенькое.

Несколько раз крошка Саломея пыталась объяснить Хемулю, что она от него в восторге. Но она была слишком застенчива и деликатна, а Хемуль никогда не умел слушать как следует.

Так что ничего серьезного ей так и не удалось ему сказать.

Однажды ночью крошка Саломея проснулась в трамвайчике из пенки, где на задней платформе она устроила себе постельку. Спать там рядом с пуговицами и английскими булавками, которыми семья Мумитроллей в течение долгого времени наполняла трамвайчик – лучшее украшение своей гостиной, – было не очень-то удобно. А крошка Саломея, естественно, была слишком щепетильна, чтобы выбросить из трамвайчика то, что ей мешало.

И вот однажды ночью она услышала, как Туу-тики и Муми-тролль разговаривают внизу, под креслом-качалкой, и тотчас поняла, что речь идет о ее любимом Хемуле.

– Так дальше невозможно, – произнес в темноте голос Туу-тики. – Нам нужно снова вернуть покой. С тех пор как он начал трубить в свой рог, мои мышкимузыканты отказываются играть на флейтах. А большинство моих друзей-невидимок перебрались на север. Все гости долины волнуются, они простудились, сидя целый день подо льдом. А Юнк прячется в шкафу до самой темноты. Кто-то должен сказать Хемулю, чтобы он ушел.

– Я не решаюсь это сделать, – сказал Мумитролль. – Он так уверен в том, что мы его любим.

– Тогда нужно обманом заставить его уйти, – посоветовала Туу-тики. – Скажи ему, что холмы в Пустынных горах – гораздо выше и лучше, чем здесь.

– Но там ведь нет холмов, где можно кататься на лыжах, – укоризненно возразил Муми-тролль. – Там одни лишь пропасти да зубчатые скалы, даже не покрытые снегом.

Крошка Саломея задрожала, слезы выступили у нее на глазах.

– Хемуль нигде не пропадет, – продолжала Туу-тики. – Неужели лучше ждать того часа, когда он сам поймет, что мы его не любим.

Сам посудите.

– Послушай, а может, ты сама скажешь ему обо всем? – жалобно попросил Муми-тролль.

– Он ведь живет в твоём саду, – ответила Туу-тики. – Освободи от него сад. Всем станет лучше. И ему тоже.

Потом разговор стих, и Туу-тики вылезла в окошко.

Крошка Саломея лежала без сна и смотрела в темноту. Так вот оно что! Они собираются прогнать Хемуля вместе с его медным рогом! Они хотят, чтобы он упал вниз, в пропасть. Оставалось одно: предупредить его о Пустынных горах. Но предупредить осторожно. Чтобы он не понял, как все хотят от него отделаться. А иначе он огорчится.

Всю ночь крошка Саломея не спала и раздумывала. Ее маленькая головка не привыкла к таким сложным размышлениям, и под самое утро она имела неосторожность заснуть. Она проспала и утренний кофе, и обед, и никто, вообще-то говоря, о ней даже и не вспомнил.

Выпив кофе, Муми-тролль поднялся на холм, с которого катались на лыжах.

– Привет! – воскликнул Хемуль. – Здорово, что ты пришел сюда! Можно я научу тебя делать совсем маленький простой поворот, ну совсем неопасный?

– Спасибо, только не сейчас, – ответил Мумитролль, чувствуя себя ужасно несчастным. – Я пришел поболтать.

– Вот здорово! – воскликнул Хемуль. – Вы ведь не очень-то болтливы, как я посмотрю. Стоит мне появиться, как вы замолкаете и удираете прочь.

Муми-тролль быстро взглянул на него, но на морде Хемуля были написаны лишь любопытство и радость. Тогда, облегченно вздохнув, Муми-тролль сказал:

– Дело в том, что в Пустынных горах попадаются совершенно удивительные холмы.

– Вот как? – спросил Хемуль.

– Да, да! Необыкновенные! – возбужденно продолжал Муми-тролль. – Они тянутся то вверх, то вниз и просто необыкновенны!

– Надо бы поглядеть. Но путь туда неблизкий. Если я отправлюсь в Пустынные горы, может статься, мы не встретимся нынешней весной. А жаль, не правда ли?

– Ага! – соврал Муми-тролль и густо покраснел.

– Но подумать об этом во всяком случае стоит, – продолжал размышлять вслух Хемуль. – Это была бы жизнь на диких пустошах.

Большие, сложенные из бревен костры по вечерам и новые победы над горными вершинами каждое утро! Долгие пробежки в ущельях и лощинах, покрытых мягким, нетронутым снегом, который скрипит, когда его разрезают лыжи... – Хемуль погрузился в мечты. – Как любезно с твоей стороны, что ты беспокоишься обо мне и о том, как я катаюсь на лыжах, – с благодарностью сказал он.

Муми-тролль посмотрел на него. Нет, больше так нельзя.

– Но холмы в Пустынных горах опасны! – воскликнул он.

– Только не для меня! – ответил Хемуль. – Как мило, что ты боишься за меня, но я люблю холмы!

– Ведь эти холмы просто ужасны! – воскликнул Муми-тролль. – Они спускаются прямо в пропасть и даже не покрыты снегом! Я сказал неправду! Теперь я вдруг вспомнил, что там совсем нельзя кататься!

– Ты уверен в этом? – удивленно спросил Хемуль.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Поверь мне! – умолял Муми-тролль. – Милый Хемуль, останься с нами. Я как раз думал научиться ходить на лыжах.

– Ну ладно! – согласился Хемуль. – Если вам так хочется удержать меня здесь, я останусь.

Беседа с Хемулем страшно взволновала Мумитролля, и он не мог идти домой. Вместо этого он спустился с холма и пошел вдоль морского берега, сделав большой крюк вокруг купальни.

Он шел, испытывая все большее и большее облегчение. Под конец он почти развеселился, посвистывал и, пиная, гнал перед собой кусок льда. И тут вдруг начал медленно падать снег.

Муми-тролль никогда прежде не видел снегопада и потому очень удивился.

Снежинки одна за другой ложились на его теплый нос и таяли. Он ловил их лапой, чтобы хоть на миг восхититься их красотой, он задира голову и смотрел, как они опускаются на него; они были мягче и легче пуха, и их становилось все больше и больше.

"Так вот как, оказывается, это бывает, – подумал Муми-тролль, – а я-то считал, что снег растет снизу, из земли".

Воздух сразу потеплел. Кругом ничего, кроме падающего снега, не было видно, и Муми-тролль впал в такой же восторг, как бывало летом, когда он переходил вброд озеро. Сбросив купальный халатик, он во всю длину растянулся в снежном сугробе.

"Зима! – думал он. – Ведь ее тоже можно полюбить!"

За окном уже стемнело, когда крошка Саломея в страхе проснулась: она что-то прозевала. И сразу вспомнила Хемуля.

Она прыгнула с комода сначала на стул, а потом на пол. Гостиная была пуста, потому что все были внизу, в купальне, и обедали.

Саломея вылезла в окошко и, задыхаясь от слез, ринулась через снежный туннель из дому.

Не было ни луны на небе, ни северного сияния! Только густо падающий снег – он залеплял глаза и одежду, идти становилось все труднее. Крошка Саломея приковыляла к снежному дому Хемуля и заглянула туда. В доме было темно и пусто.

Тут Саломею охватил страх, и вместо того чтобы подождать, она кинулась навстречу вьюге.

Она звала своего обожаемого Хемуля, но это было совершенно напрасно – все равно что пробовать докричаться через подушки, набитые перьями. А ее едва заметные следы мгновенно засыпал падающий снег.

Поздно вечером снегопад прекратился.

Снег опустился на землю, и горизонт, словно кто-то отдернул легкую занавеску, очистился до самого моря. И уже там, над ним, темно-синяя гряда облаков закрыла заходящее солнце.

Муми-тролль смотрел на надвигающуюся с моря непогоду. Казалось, будто перед последним трагическим актом пьесы поднялся занавес. Сцена, белоснежная и пустынная, простиралась до самого горизонта, а над берегом быстро спускалась морозная темнота. Муми-тролль, никогда не видевший снежной вьюги, думал, что бушует гроза. Он решил во что бы то ни стало не пугаться, когда раздадутся первые глухие раскаты грома.

Но гром не загремел. Даже молнии не засверкали. Зато с белой макушки одной из скал, тянувшихся вдоль берега, метнулся ввысь слабый снежный вихрь.

Легкие порывы беспокойного ветерка поспешно перебежали взад-вперед по льду и, уносясь вдаль, шептались в прибрежном лесу.

Темно-голубая гряда облаков росла, ветер становился все сильнее.

Внезапно Муми-троллю показалось, будто распахнулась какая-то огромная дверь, ветер ворвался в нее, тьма разинула свою пасть, и все наполнилось летящим мокрым снегом.

Снег уже не падал сверху, а с невероятной силой носился над землей, он завывал, он толкал, валил с ног, словно живое существо.

Потеряв равновесие, Муми-тролль упал. Снег залепил ему глаза, набился в уши. Муми-троллю стало страшно.

Время и весь мир куда-то исчезли, не за что было ухватиться, и ничего не было видно, остался лишь заколдованный вихрь пляшущей влажной мглы.

Если бы на берегу случайно оказался кто-нибудь сведущий и разумный, он мог бы сказать, что наступает весна, которая будет долгой.

Но никого такого на берегу не оказалось; там был только один-единственный растерявшийся Мумитролля, который, барахтаясь в снегу, полз на четвереньках навстречу ветру, совсем не в ту сторону, куда ему было нужно.

Он все полз и полз, и снег уже целым сугробом лежал на его мордочке. Теперь Муми-тролль ни капельки не сомневался в том, что зима придумала эту метель: ведь ей надо раз и навсегда доказать, что от нее все равно не спастись.

И надо же было сначала обмануть его роскошным хороводом медленно падающих пушистых снежинок, а потом устроить вьюгу и бросить весь этот красивый снег ему в мордочку. И как раз тогда, когда он думал, что начинает любить зиму.

Мало-помалу Муми-тролля разозлился.

Он поднялся и попытался было кричать на ураган. Он бил снег и слегка повизгивал – ведь все равно никто не мог его услышать.

А потом устал и повернулся к снежному бурану спиной. Ветер тут же унялся, и только тогда Мумитролля почувствовал: ветер был теплый! Он увлек Муми-тролля за собой, сделал его таким легким, что Муми-троллю казалось, будто он летит.

"Я одно целое с ветром и непогодой, я частица снежной бури, – подумал растроганный Муми-тролля. – Это почти как летом. Борешься с волнами, а потом поворачиваешься, позволяешь швырнуть себя прямо в прибой и отправляешься в плавание, словно бутылочная пробка; в пене морской играют сотни маленьких радуг, а ты, чуть испуганный, смеешься, причаливаешь к пустынному берегу".

Муми-тролля распротер лапы и полетел.

"Пугай себе, зима, сколько влезет, – в восторге думал он. – Теперь я тебя раскусил. Ты не хуже всего остального, только тебя надо узнать. Теперь тебе меня больше не обмануть!"

А зима неслась вместе с ним далеко-далеко по всему берегу, пока Муми-тролля не уткнулся носом в сугроб на заснеженном причале и не увидел слабый свет, падавший из окошка купальни.

– Вот оно что, я спасен, – сказал озадаченный Муми-тролля.

Как жаль, что все самое интересное кончается тогда, когда его перестаешь бояться и когда тебе, наоборот, уже становится весело.

Он открыл дверь, и навстречу снежной буре хлынула волна теплого пара. Муми-тролля с трудом разглядел, что купальня битком набита народом.

– Вот явился! Это один из их компании! – крикнул кто-то.

– А кто еще из нашей компании? – спросил Мумитролля, протирая глаза от залепившего их снега.

– Крошка Саломея заблудилась в снежном буране, – серьезно сказала Туу-тикки.

Стакан подогретого сока словно сам по себе повис в воздухе.

– Спасибо! – кивнул Муми-тролля мышкам-невидимкам и сказал: – Но ведь крошка Саломея никогда не выходит из дому?

– Мы тоже никак не можем этого понять, – сказал Хомса-старший. – А искать ее не стоит, пока буря не уймется. Крошка Саломея может быть где угодно, и скорее всего ее засыпало снегом.

– А где же Хемуль? – спросил Муми-тролля.

– Он отправился ее искать, – сообщила Туу-тикки. И, ехидно усмехнувшись, добавила: – Вы с ним, кажется, говорили о Пустынных горах?

– Ну и что, – пылко возразил Муми-тролля.

Туу-тикки ухмыльнулась еще сильнее.

– Ты умеешь замечательно уговаривать, – сказала она. – Хемуль поведал нам, что холмы в Пустынных горах очень жалкие и кататься на лыжах там просто невозможно. Он страшно рад, что мы так любим его.

– Но я думал... – начал было Муми-тролля.

– Успокойся, – примирительно сказала Туу-тикки. – Может статься, мы и полюбим его.

Вполне возможно, что Хемуль был толстокожим и не всегда понимал, что нравится и что не нравится тем, кто его окружает. Зато нюх на погоду был у него лучше, чем у пса Юнка. (К тому же нюх Юнка как раз теперь притупили тоска и раздумье.)

Хемуль отыскал на чердаке пару старых теннисных ракеток и приспособил их вместо снегоступов. Он спокойно топал по снегу сквозь пургу, шаря глазами по белой равнине, и, принюхиваясь, пытался уловить запах самого маленького существа, какое только можно найти на свете.

Ему пришло в голову зайти в свой снежный дом, и там он уловил запах крошки Саломеи.

"Крошка была здесь и искала меня, – добродушно подумал Хемуль. – А зачем?.."

Внезапно Хемуль смутно вспомнил, как крошка Саломея пыталась ему что-то сказать, но очень застенялась и не посмела.

И пока он протаптывал себе дальше дорогу в снежном буране, одна картина за другой вставали в его памяти: вот крошка ожидает его на горке... вот бежит по следу... вот обнюхивает медный рог...

И Хемуль смущенно подумал: "А ведь я был с ней невежлив!"

Он не мучился угрызениями совести – такое с хемулями случается редко, – но ему еще больше захотелось найти крошку Саломею.

Тогда он встал на колени в снегу, чтобы удостовериться, не потерял ли он ее след.

След беспорядочно петлял, как бывает у мелких зверьков, когда они не помнят себя от испуга. В какой-то миг крошка была на мосту,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

страшно близко к краю моста. Потом след ее пошел вверх по склону и исчез на холме.

Хемуль подумал немного – а для него это было достаточно трудно – и начал разгребать снег на холме. Он рыл очень долго. И наконец нащупал что-то очень маленькое и теплое.

– Не бойся, – сказал Хемуль. – Это всего лишь я.

Он сунул малютку за пазуху между фуфайкой и курткой из меха ламы, поднялся на ноги и зашлепал дальше на своих снегоступах.

А вообще-то он сразу забыл про крошку Саломею и думал теперь лишь о стакане подогретого сока.

На другой день, в воскресенье, ветер улегся. Было тепло, пасмурно, и все чуть ли не по колено утопали в снегу.

Вся долина, озаренная луной, казалась игрушечной. Одни сугробы походили на огромные круглые булки, другие образовали красиво изогнутые горные гряды с остроконечными вершинами. На каждый куст была надета большая снежная шляпа. А деревья выглядели как гигантские торты, придуманные кондитером с удивительной фантазией.

В виде исключения все гости высыпали на снег и устроили настоящую войну снежками. Варенье почти уже кончилось, но оно все же придало гостям сил, их лапы окрепли.

Хемуль сидел на крыше деревянного сарая и трубил в свой медный рог, а рядом с ним сидела счастливая крошка Саломея.

Он играл свой любимый "Марш хемулей" и закончил его особенно замысловатым пассажем. Потом, повернувшись к Муми-троллю, сказал:

– Ты только не расстраивайся, но я все же поеду в Пустынные горы. А следующей зимой обещаю научить тебя кататься на лыжах.

– Я ведь говорил тебе... – огорченно начал Мумитролль.

– Знаю, знаю, – прервал его Хемуль. – Тогда в Пустынных горах было именно так. Но после снежного бурана холмы там стали просто замечательные. И подумать только, сколько там свежайшего воздуха!

Муми-тролль взглянул на Туу-тикки.

Она кивнула. Это означало: пусть едет. Все разъяснилось и наладится само собой.

Муми-тролль вошел в дом и открыл печную вьюшку. Сначала он тихонько позвал своего предка при помощи неназойливого опознавательного сигнала, звучавшего примерно так: тиу-уу, тиу-уу. Предок не отвечал.

"Я совсем забыл про него, – подумал Муми-тролль. – Но то, что происходит сейчас, в самом деле гораздо интереснее, чем то, что было тысячу лет назад".

Он вытащил из печи большую банку клубничного варенья. А потом написал кусочком угля на закрывавшей банку бумажной обертке: "Моему старому другу – Хемулю".

В тот вечер Юнку пришлось пробираться целый час по снегу, прежде чем он добрался до своей ямки, где обычно сидел и тосковал. Всякий раз, когда пес сидел здесь, тоскуя, ямка печали становилась чуть больше, но теперь она вовсе утонула в снегу.

Пустынные горы от подножий до вершин были одеты снегом и раскинулись перед Юнком во всей своей роскошной белизне. Ночь была безлунная, но звезды необычайно ярко светили во влажном воздухе. Далеко-далеко глухо прогрехотал снежный обвал. Юнк уселся в ямку и стал ждать волков.

Этой ночью ему пришлось ждать долго.

Он представлял себе, как волки бегут по заснеженному полю, серые, сильные, огромные, и как они внезапно останавливаются, заслышав его вой на опушке леса.

А может, они думают: "Там, вдалеке, у нас есть товарищ. Двоюродный брат, с которым неплохо было бы познакомиться..."

Мысль об этом взволновала Юнка, и фантазия его вдруг дерзко разыгралась. Пока пес ждал, он вышивал свою мечту красочными узорами. Вот стая волков внезапно появляется где-то на дальней горной гряде. Они бегут к нему. Они виляют хвостами...

Тут Юнк вспомнил, что настоящие волки никогда не виляют хвостами. Но это не важно. Во всяком случае они бегут к нему, они его узнали... Они решили наконец позволить ему сопровождать стаю...

Однако если бы мечта Юнка осуществилась, ему грозила бы опасность. И мысль об этом ошеломила одинокого пса; подняв морду к звездам, подавленный тоской, Юнк завыл.

И вдруг волки ответили ему.

Они были так близко, что Юнка охватил страх. Он сделал неловкую попытку зарыться в снег. Повсюду вокруг него зажглись огоньками волчьи глаза.

Теперь волки замолчали. Они окружили Юнка кольцом, и кольцо это все сжималось и сжималось.

Виляя хвостом, Юнк заскулил, но никто ему не ответил. Он снял свою шерстяную шапочку и подбросил ее в воздух, желая показать, что он охотно поиграл бы с волками и что вообще он совсем безобидный пес.

Но волки даже не посмотрели на его шапочку. И внезапно Юнк понял, как он ошибся! Волки вовсе не его братья, с ними не поиграешь.

"Волки съедят тебя в два счета, и ты едва ли успеешь раскаяться в том, что вел себя как круглый дурак, – подумал Юнк и перестал вилять хвостом. – Как жаль, а ведь я бы мог спокойно спать по ночам, вместо того чтобы сидеть в снегу и тосковать до слез..."

Волки подходили все ближе.

И тут вдруг в лесу раздался звонкий звук медного рога. То была гремющая музыка духового инструмента, музыка, от которой с деревьев посыпался снег и заморгали желтые волчьи глаза. В одну секунду опасность миновала, и только шерстяная шапочка осталась лежать на снегу рядом с Юнком. А с горного склона на широких снегоступах, с трудом волоча ноги, спускался Хемуль.

В походном мешке Хемуля лежала согретая теплом сонная крошка Саломея и прислушивалась к музыке рога.

– Ты что тут сидишь, песик? – спросил Хемуль. – Долго ждал меня?

– Нет, – ответил Юнк.

– Скоро мы перейдем на твердый снежный наст, – радостно сообщил Хемуль. – А когда мы доберемся до Пустынных гор, я дам тебе теплое молоко из термоса.

И Хемуль, не оглядываясь, побежал дальше.

Юнк брел следом за ним. Ему показалось это самым правильным. Иначе он поступить не мог.